

— Братик, ты уже взрослый, нельзя быть таким капризным, — Пэн Цзэфэн хотел понять, есть ли у ребёнка криминальные наклонности — например, убить кого-нибудь из любопытства, чтобы попробовать на вкус.

— А я могу быть капризным? — спросил Сюй Юань.

Пэн Цзэфэн смотрел на его невинное личико и чувствовал головную боль, но приходилось продолжать спектакль:

— Конечно, Сюй Юань. Ты такой милый, взрослые простят тебе любую капризность.

Сюй Юань решил задать два последних вопроса:

— Но где найти человеческое мясо? И ещё... Сюй Юань тоже человек, разве ему можно есть людей?

«Неужели этот человек узнал о моих странностях от родителей, догадался, что мы с ним одной крови, и пришёл заключать союз?»

— Куры едят курицу, а люди почему не могут есть людей? — мрачно произнёс Пэн Цзэфэн. — А где искать, Сюй Юань, ты, наверное, знаешь лучше меня.

— Хм, — Сюй Юань усмехнулся и вырвал руку из ладони Пэн Цзэфэна. — Если мы одной крови, хватит играть в эти игры. И не притворяйся добрым старшим братом, который держит меня за руку, — противно.

«О, так быстро поверил? А перевоплощение у него гладкое».

— Одной крови? Что за кровь? — Пэн Цзэфэн кокетливо повысил тон, делая вид, что не понимает.

— Тебе же тоже давно осточертели эти отбросы? Давай объединимся. В конце концов, я же могу быть капризным, правда? — Сюй Юань ответил леденящей душу улыбкой.

«Ну и ну, как эти супруги умудрились вырастить ребёнка с антисоциальным расстройством личности? И откуда у него такая смелость и решительность? Судя по его уверенности, объём знаний тоже немалый — перед лицом неизвестности человек не может быть так твёрд».

— Ха-ха-ха, я не зря сюда пришёл! Маленький Сюй Юань, ты меня здорово удивил! — Пэн Цзэфэн казался искренне обрадованным.

«Такого ребёнка... нельзя ли вернуть в утробу и переделать?»

— Ты тоже меня удивил, — Сюй Юань выглядел довольным.

«Малыш, только не подведи меня и не запятнай мою репутацию», — молча подумал Пэн Цзэфэн.

— Пойдём домой, обсудим всё как следует. На улице слишком много ушей, — Пэн Цзэфэн тоже словно сбросил маску и поддразнил:

— Так что, ты правда любишь Кэньлайцзи, как все эти сопляки?

Сюй Юань лягнул его ногой.

— Я бы никогда не стал любить то, что нравится тупым детям!

— Ой-ой! — Пэн Цзэфэн аж присвистнул. Теперь он не сомневался: этот ребёнок вполне способен в одиночку осуществить план убийства. Силёнка у него что надо!

— Слабак, — презрительно фыркнул Сюй Юань.

«Вот уж точно: какой бы умный ни был ребёнок, а вредный — он и есть вредный».

Пэн Цзэфэн внутренне ёрничал, но на лице сохранил ехидную ухмылку:

— Дети должны вести себя как дети. А ты совсем не милый.

— А ты тоже перестал притворяться примерным мальчиком, — прищурившись, парировал Сюй Юань.

«Мы с тобой не можем быть одинаковыми. Я не такой, а ты должен быть тем, кого изображаешь».

— Ты слишком сложный. Почему бы просто не быть послушным? А теперь пошли есть, — Пэн Цзэфэн сделал вид, что сдался и больше не намерен скрывать свой скверный характер. Он схватил ребёнка за руку и потянул за собой.

Хотя, конечно, сил он приложил не слишком много — всё-таки ребёнок.

— Что будем есть? Стейк? — буркнул Сюй Юань.

— Денег нет! — Пэн Цзэфэн не любил сырую еду — стейк с кровью вызывал у него отвращение одним видом. Раз уж ребёнок раскрылся, можно просто поужинать.

Сюй Юань снова лягнул его.

— Жмот!

Пэн Цзэфэн было захотелось поспорить, но он передумал. Пациент всегда прав. Он отпустил руку Сюй Юаня, затем поднял правую руку и сказал:

— Подними руку вот так.

Сюй Юань, не понимая, последовал его примеру. Пройдя несколько шагов, он осознал: на этом перекрёстке нет светофора, и, переходя по «зебре», нужно поднимать руку для безопасности... Он с презрением посмотрел на Пэн Цзэфэна:

— Ты из какой страны вообще?

— Разве ты не знаешь, что даже самый гениальный человек имеет только одну жизнь? Осторожность никогда не помешает, — Пэн Цзэфэн отмахнулся.

— Хм-м... — Сюй Юань вдруг нашёл этого человека интересным. «Жить — значит иметь возможность убивать больше людей».

Пэн Цзэфэн привёл Сюй Юаня в кафе, усадил у стены, заказал несколько блюд на свой вкус и принялся разглядывать ребёнка.

Сюй Юань не обращал на это внимания. Он тоже хотел получше изучить этого человека — вдруг они станут «боевыми товарищами».

А Пэн Цзэфэн смотрел на Сюй Юаня не потому, что обдумывал план лечения, а просто потому, что нос мальчика уж очень напоминал нос Юй Фэна. Странное чувство — видеть почти идентичный орган на чужом лице.

«Неужели этого малыша можно вылечить?» — Пэн Цзэфэн невольно задумался. Честно говоря, в этот раз он не был уверен, хотя раньше никогда не терпел поражений. Может, сейчас потерпит? Хотя, если провести несколько сеансов гипноза, наверное, поможет... Но останется ли человек после гипноза тем же самым?

Пэн Цзэфэн не мог понять: тех пациентов с психическими расстройствами, которых он вылечил за эти годы, — действительно ли они выздоровели?

Память — основа личности. Разные воспоминания создают разных людей. Но мозг не гарантирует, что память будет точной. Обычное дело — воспоминания тускнеют, становятся расплывчатыми, а когда ты вдруг снова их вызываешь, получаешь уже приукрашенную версию.

Это не настоящая память, но и не полностью вымышленная. И всё же именно она поддерживает существование человека.

А те пациенты... их считали больными лишь потому, что у них внезапно появлялись ложные воспоминания. Они путались в них и переставали быть собой.

Но где проходит граница «себя»? И где граница «реальности»?

Он помнил своего первого пациента — парня лет двадцати с небольшим. Жизнь у того была совершенно обычной, медицинские обследования не выявляли проблем. Но однажды он вдруг зарыдал, закричал, что его жена пропала, и побежал в полицию. Полиция, естественно, не нашла следов такой женщины и отказалась возбуждать дело.

Тот юноша говорил ему: «В полиции тоже не верят, я не могу найти жену, я не хочу больше жить! И родные всё врут, говорят, что жены у меня никогда не было, что у меня даже девушки не было!»

Пэн Цзэфэн попросил описать «жену», и парень без колебаний рассказал о её внешности, характере, деталях их совместной жизни — настолько живо, что в это трудно было не поверить.

Словно такая женщина и вправду существовала.

Но никаких доказательств её существования не было.

Он говорил, что кулон ему подарила жена, но на самом деле его привёз из Тибета младший брат. Говорил, что кошку нашла на улице жена, но на самом деле он сам взял котёнка у тётки из лавки, когда ещё учился в университете. Говорил, что несколько месяцев назад, когда у него был гастроэнтерит, жена не отходила от его постели ни на шаг, но на самом деле ухаживала за ним мать...

Каждое событие, которое он описывал, было реальным, но главным героем оказывалась не жена.

Словно такая женщина существовала, но потом исчезла, и все пробелы заполнились,

заместились другими людьми — логично и естественно.

Память у всех изменилась. Неизменной осталась только его.

Пэн Цзэфэн тоже допускал такую возможность. Но как бы там ни было, в этом мире женщины, которую он описывал, не существовало. Оставалось только с помощью психологических внушений заставить его забыть её.

Теперь тот юноша уже нашёл себе спутницу жизни, даже прислал благодарственное письмо с их совместной фотографией — выглядели они счастливо. Но Пэн Цзэфэн всё равно чувствовал лёгкую горечь: его жена не была той, кого он когда-то описывал.

Впрочем, эта мысль быстро улетучилась. Во-первых, он был психотерапевтом, и хотя не слишком-то придерживался правил, профессиональная этика обязывала не вкладывать слишком много личных чувств. Во-вторых, его пациент был обычным человеком, и человек из его воспоминаний либо был плодом воображения, либо кем-то из прошлого, но уж никак не мог быть предвидением будущего — то есть его жена никак не могла оказаться той самой женщиной.

И наконец, каким бы ни был результат, он не имел права колебаться.

Вернувшись к реальности, Пэн Цзэфэн всё больше замечал сходство носа Сюй Юаня с носом Юй Фэна, и, хотя это было опасно, он не мог не почувствовать к ребёнку симпатии.

Это было... ужасно.

«Если споткнусь и он меня прикончит — будет совсем уж смешно».

— Ты не привередничаешь в еде? Я заказал, не спрашивая тебя, — сказал Пэн Цзэфэн.

На белом, нежном личике Сюй Юаня расцвела преувеличенная гримаса.

— Ты что, в самом деле считаешь меня ребёнком? Или другом? Эти мерзкие отношения нам ни к чему.

<http://bllate.org/book/16276/1465317>